

Вячеслав ЛЮТЫЙ

ПОВОДЫРЬ

Юрий Кузнецов многое сказал о русском человеке, о его сердечном труде, о его своеволии – земном непослушании небесному совету, о его недружеских и бедных. Кузнецовский поэтический строй – редкость органично сохраняется в себе мифопоэтическую и родную традицию: множество стихотворений поэта созданы как современные легенды и сказки о русской жизни. Подобно фольклорным образцам, они схватывают чрезвычайно верные предметы нашего мира и мироощущения.

Русский ум здесь не идёт себя, русское сердце – сквозь слёзы узрит Бог ...

ВЕЛИКАЯ ТАЙНА

Юрий Кузнецов и православная культура

Читая последние произведения Юрия Кузнецова, прежде всего, проникнешься мыслью о том, что искусство, делаящее хотя бы один шаг по направлению к Богу, тем самым уже приближает себе толику гармонии, сообщённой Создателем миру. Но литература, говорящая об Истине, приближается к ней с иной стороны, нежели монументальный подвиг, в основе которого молитвенное обращение к Божиих, о родной земле и милосердии Господнем.

Так, русская классическая литература не позволила теистическому советскому человеку забыть о христианской ответственности, которая не называет её прямо, присутствует в произведениях старых отечественных писателей. С точки зрения скептического просветителя в тех книгах почти всё было непривильно, смутно, искусительно. Их катехизическое значение, очевидно, невелико, хотя духовно-ответственная роль сочинений русских поэтов и писателей огромна.

Современный человек во всем своей существом мирское, хотя и стремится измерять собственные поступки с позиций Христовыми. Однако мир исключительно провокационен, и поэтому подлинно художественная литература служит неким буфером между повседневностью, которая переполнена до предела житейской суетой, и церковным пространством, приоткрывающим человеку вечность. Цивилизация не позволит человечеству поголовно уйти в мистицизм, ибо тогда прекратит своё существование. Но и сейчас нам известны миряне-приведенники, простецы, принимающие подвиги и произносящие волшебные звучащие слова: «Во славу Божию, ангелочек брехливый!..». Не к но-

тически, но от сердца и от дивной русской речи звучат они и зменяют иную церковную проповедь.

Не в борьбе искусств и просветления мы должны искать главные для себя смыслы, но в их союзе, взаимно бережном, но и строгом.

В последних стихотворениях Юрия Кузнецова звучат многие мысли поэта по поводу вызова Святейшего Игнатия (Брянчанинов). Не стоит забывать, что эти святые поучения были написаны полтора века тому назад, и их буквальное применение к сегодняшнему дню и современной литературе может быть не только неуместным, но и вредным. Прочитавший день для тех людей – повод для неустойчивой молитвы о собственной душе, в то время как сегодня они уверенно берут на себя роль просветителей и стилистов. Непрерывным тоном эти новонаученные христиане не озвучивают тексты святых отцов – точно так же двадцать лет тому назад с их губ слетали цитаты из сочинений Маркса, Энгельса, Ленин и очередных генеральных секретарей коммунистической партии.

Творчество поэта всегда традиционно. Но великий русский поэт – это великая русская традиция. В его духовном пространстве соединяются смирительные черты отечественного существования. Он стягивает в одну точку и христер человек, и родную природу, и земную любовь, и рождение детей, и героический подвиг, и мирской грех, и традицию покаяния. Так Вселенная была до времени непостижимой точкой, из которой затем появились галактики и планет Земля, прекратилась и удивительная.

Поэмы Юрия Кузнецова о Христе – это художественный акт русской просветительской культуры, иссохшей в пустыне эгоизма, поруганной в своих родовых истоках и в эпоху смуты вновь испившей живой воды христианского Предания. Стоическая фигура поэта не помнит ни о мужестве, великодушии, любви к Отечеству, щедрости таланта и остроте ума. В начале XXI века это должно стать для нас благом городской думностью, вовсе не для знающим личное тщеславие литературным здоровьем.

Уйдут бренные слова хулителей и избудутся их имена. А поэзия Юрия Кузнецова останется, потому что она – вневременная русскому веку.

Доколе он длится, будет звучать и гениальное кузнецовское слово.

2008

НАСЛЕДНИК ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ ПЕСНИ

*Поэма Юрия Кузнецова «Путь Христа»
и её место в современной литературе*

Три поэмы Юрия Кузнецова под общим названием «Путь Христа» при их первой публикации вызвали шквал нареканий со стороны тех, кто считал себя призванным к борьбе за чистоту евангельского слова в нашей литературе. Было много и восхищённых отзывов, и дельных рецензий «Детства», «Юности», «Зрелости», однако глух являлся по отношению к этим творениям мистерия не утихла до сих пор, спустя десяток лет после их появления в печати.

Эти критические упреки по большей части носят идеологический характер. Собственно литературные претензии к поэмам были, скорее, вздорными и почти всегда свидетельствовали лишь об уровне поэтического таланта непрекращаемых судей. Само художественное слово Кузнецов при цитировании изощряло себя, тогда как к суетные попытки уличить поэта в написании «плохих», «искусственных» стихов попросту рассыпались при соприкосновении с высокой фигурой кузнецовского текста. Ущербность этих вторых обвинений во многом самоочевидна, тогда как впервые линия критики трёх енгельских поэмов до сих пор весьма сильна. И потому стоит взглянуть на неё более пристально.

Очень поздно творчество Кузнецов предстает как возмутительное соединение его прежнего, изначально языческого миропонимания и неглубокого, к тому же торского христианства, которым поэт «занимался» на склоне лет. Утверждением этой критической позиции дружно занимаются новочерные христианские литераторы зовущие и клирики-трибуны, совершенно лишённые художественного чутья и вкуса. Хорошо бы тем литераторам-фигуристам обратиться к своему зыбкому взгляду на собственные деяния, никак не сочетающиеся с енгельской правдой в жизни, церковным книжничеством – вслушаться в звуки родной духовной поэзии и быть ближе к душе русского человека.

Стоит помнить, что в храм приходит грешник, на лице и в поведении которого видны черты его родовой принадлежности, будь то татарин, осетин, еврей или русский. Своего нецивилизированного характера не отменяются принятием православия веры; тем же и культурный род, к которому он принадлежит, неизменно из его сознания и сердца, но во многом очищается и приводится в соответствие со светом христианской истины. Этот родовой якорь не отменяется ни в Грузии, ни в России, ни в Японии, где великий православный миссионер святитель Николай (Кавказский) с огромным уважением относился к традициям местной культуры. Более того, с началом Русско-японской войны он известил своему народу, что теперь они будут молиться порознь, каждый о победе своего оружия, поскольку христианам должно быть ещё и сыном собственной родины. Православный эфиоп не должен отречься от культуры Африки, несомненно, отринув все её колдовские культы. При этом скандалы, которые он ставит перед детьми и внуками, будут с отчетливым местным колоритом.

Вместе с тем вся дохристианская Русь негласно поглощается некоей странной-полуфантастической, тем же как и древние славяне, её несебяющие, ибо только потом, с Крещения как будто начался подлинная русская история. Эта резекция русского родного сознания, исторической и нравственной правды делает русского православного христиана совершенно безличным перед многими церковными нестроениями. Ужасы признания безвсего из церкви прихожанин, который столкнулся с черствостью настоятеля, со своекорыстием приходского старосты, с бюрократической ротацией клира. Этот человек поистине одинок, у него нет ничего, что составляло бы его родовую историю, некую базу, от которой стоит сделать

мировоззренческий и духовный шаг к Христу. Даже разбойник, скрывшийся и ушедший в монастырь, со слезами вспомнит волшебную сказку и свою родную песню, которую в полузабытом детстве он слышал от матери своей. Родовой русский человек с православной душой, столкнувшись с церковными испытаниями в одном месте, уходит от искушения злобой и безумием критиканства, исповедуется и примет причастие из рук другого пастыря – доброго, искреннего, не затронутого стяжательством.

Рассуждается, линия соединения православного и древнего, родного взгляда на мир не может быть прочерчена раз и навсегда, обозначив границы сочетания первого со вторым отчетливо и непрерывно. Когда речь идёт о христианском канононе, ни в каком случае нельзя поступать его строгостью. Но если мы говорим о живом Христе, образ которого до сих пор живёт в русских духовных стихах, во внимании должны приниматься вся совокупность слов и мнений, пронизанных любовью к Спасителю и чувством собственного, сокровенного сопереживания с Ним. Наш Церковь, будучи водителем русской человек ко Христу, должна любить своё дело. Но иной раз она берёт на себя роль сухого и безжизненного учителя, бьющего ученика линейкой по рукам и к теоретически нежелательное познание с его семьёй.

Юрий Кузнецов стремился соединить родное предстательство о Христе с Преданием. Ещё раз отметим, что его триптих – это литературное произведение, не рассуждение на каноническую тему. Как и в родной поэзии, в кузнецовской «словесной иконе» мы не идём мимику Христу, Его боль, гнев, печаль и юмор. В четырёх Евангелиях подобные приметы жизни Сына Человеческого едва обозначены. И потому поэтический текст так насыщён психологическим осмыслением енгельского.

Как правило, мистические произведения поэзии склоняются к картинному отчетливо прорисованному. Тем же определяются в описании мира исподволь вытекает склонность вторичности к диалектике. У Кузнецов читатель регулярно сталкивается с бытийной мистикой происходящего, когда неглядный сюжетный поворот вызывает смутный, тревожный, подчас с грозный отголосок в природе и времени.

Подобно енгельским повествованиям, «Путь Христ» Кузнецов пронизан совпадениями действий, предметов и слов. Тем же, «пощёчин Христу» трижды возникает странный мир, но и как бегущий его житейской ограниченности. Всё земное обижает и бьёт Спасителя, и в том – едва заметные знаки Его грядущей смертной муки. Но иной читатель резко скажет, что Младенец не по праву возносит Христу, тут – кощунство и недопустимый творческий произвол вторичности. Хотя – имеющий глазоудивительный. Иосиф с семьёй бежит, захватив с собой «лесину», из которой меревляса делал гроб умершему старейшине Назрет, но вскоре рубит из неё «колыбель для дитяти». Вот маленький образ уходящего ветхого мира, нарождающегося мир новозветного и их соединительного звена.

Кузнецов не сеяет поэму дополнительными персонажами, вводит новые события – и это не только приближает фигуру Христа к простым людям, но и человечески от-

138

плет многие Его суровые смыслы. Причём эти вторские лиц и происхождения исключительно орг ничны к к фигуры в ре листическом р звитии новоз ветного сюжет . Т ков бедуин у костр , дымом которого игр ет м ленький Иисус; уп вший с крыши и р збившийся м льчик, которого Он воскресил, будучи ребёнком, з долго до первого публичного чуд н св дьбе в К не Г лилейской.

По слов рю и интон ции поэм сближ ется с н родны ми духовными стих ми. В её тексте много л ск тельных слов, н форических приёмов и иных примет н родной лирической поэзии. Пож луй, это видимое соприкоснове ние с фольклором в эпической поэме очень ч сто дей ствует н нт гонистов Кузнецов , к к кр сн я тк нь н бык . Русифик ция интон ции к жется им возмутитель ной, он будто бы ум ляет н дмирный п фос священного сюжет . Т к к толики в Японии, обр тив местных жителей в свою веру, д ли им иконы, н которых лиц святых были изобр жены с р скосами гл з ми – д бы боригены вос приим ли угодников Божиих более прочувствов нно. Но у Кузнецов – не «умозрение в кр ск х», «словесн я ико н ». Причём – вторск я, «моя». Не изменён нтур ж, идентичны лиц , декв тны смыслы – лишь голос р сск зчик резко индивиду лен. И т к я икон , словно вы толкнут я н поверхность жизни из трёхвековой толщи русской литер туры через слов , голос, ум и сердце Юрия Кузнецов , достоин поним ния, ув жения и любви со стороны соотечественников.

В предсмертном кузнецовском стихотворении «Поэт и мон х» можно увидеть зн ки положительного отношения поэт к живописи Р ф эля и Микел нджело. Но если для художников Возрождения было в жно выявить чисто человеческую личность и пок з ть, что все глубины библейских сюжетов вполне доступны всякому человеку (об этом з меч тельно н пис л А. Ф. Лосев*), то Кузнецов пост вил перед собой совсем иную з д чу.

Мистик его поэмы не нужд ется в док з тельств х и не сводится к н бору простых тезисов и приёмов, под ст ть руководству для н чин ющего фокусник . Сохр няя священную Т йну, он ст р лся приблизить её к русскому человеку. Бережно относясь к его духовному и культурно му прошлому, он хотел пок з ть дорогу, уходящую з горизонт и никогда не конч ющуюся.

И всё это – вымолвить н родном языке к к н следник древней русской песни и подлинный литер турный гений сумр чного рубеж двух христиских тысячелетий.

2009

ПРИМАТЫЙ ЦВЕТ

Художественные черты поэмы Юрия Кузнецова «Рай»

Мистери льн я поэм Юрия Кузнецов «Р й» содержит пр ктически только первую гл ву неосуществлённого вторского з мысл . В произведении нет т кой р звёрнутой г лerei персон жей, к к в поэме «Сошествие в Ад», по художественной хронологии предв ряющей послед-

* Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. М.: Мысль, 1978. С. 388.

ную ч сть гени льной кузнецовской трилогии. Оди ко в вторском неоконченном тексте есть множество смысло вых и эстетических зн ков, позволяющих судить о нём к к о лирическом целом. В первую очередь это к с ется приложения «р йской» сюжетной з вязки к ре льной жизни, к месту в ней alter ego поэт , кдин мике р звор чив ющейся к ртины, по м сшт бу – вселенской.

Н до ск з ть, что дин мической пружины всех трёх мистерий Кузнецов является изн ч льн я вторск я под ч событий к к происходящих «здесь и сейч с». В отличие от многих подобных произведений своих поэтических предшественников, в том числе и от д нтовской «Боже ственной комедии», у Кузнецов поэт-р сск зчик поп д ет в н дмирное простр нство не к к турист, которому демонстрируют устройство мистической вселенной в виде когд то сложившейся и к н стоящему моменту «устоя вшейся» структуры. В трилогии Поэт выступ ет к к свидетель череды гр ндиозных событий. Он движется вослед Христу, проходя все эт пы земной жизни Сын Божьего, следуя з Ним сн ч л в Ад, з тем уже – в Р й, н блюд я его великое «второе з селение».

*Рай перед вами. Ступайте! – промолвил Христос.
Реяли свету вдали. Участь Рая решалась.*

Элементом т кого связующего пунктир можно н зв ть, к примеру, присутствие Поэт н св дьбе в К не Г лилейской, о чём в поэме «Сошествие в Ад» Иисус н пом ин ет ему. Или фигуру Р збойник , который впервые появляется в сцене р спятия, з тем будет р звёрнуто прорисов н втором в «Сошествии», и, н конец, вот он з мьк ет сонм пр ведников, входящих в Р йские Вр т . Подчеркнём, что в последнем эпизоде Поэт н прощ ние обним ется с Р збойником к к тов рищ по греху, избыв ющий земную жизнь духовным движением ко Христу. Здесь почти букв льно отобр жены слов прич стной молитвы: «...но яко р збойник исповедую Тя».

В «р йском» сюжете з метн сков нность и неуверен ность в себе кузнецовского Поэт , когд он приближ ется к Вр т м, говорит с Христом, н ходится вблизи от стр шного и притяг тельного Древ Позн ния. Здесь нет ниче го, что было бы устроено по жел нию Поэт втом тиче ски. Он выступ ет м лым просителем, для которого возможный отк з в просьбе и пориц ние, скорее, привычны, чем неожид нны.

Вместе с тем Христос понужд ет Поэт просить больше, чем подоб ет, и выше положенного мыслителю и художнику по его земной прин длежности. «Я д м тебе зрень», – говорит Поэту его Проводник. И эти слов х р ктеризуют творение Кузнецов к к духовное н блю дение, совсем не к к умоз клчение.

Чувство собственного нр вственного положения удивительно приближ ет не только гл вного героя, но и всю поэму «Р й» к чит телю. Автором соблюден в жнейш я для этого повествов ния духовн я дист нция между обычным земным человеком и Ц рством Бог , между художником, по-земному огр ниченным, – и Христом, Бес предельным и Всебл гим.

139

Если вспомнить кузнецовскую «Атомную ск зку», в которой грех р зрушения кр соты и т йны жизни целиком возл г лся в втором н Ив нушку, то есть н человек , то в «Р е» Поэт к Древу Позн ния притягив ет, к жется, не-преодолим я с т нинск я сил , которую в одиночку, без помощи Ангел ему не превозмочь.

...Ангел, хранитель печалей твоих.

Если узнаешь его, то на малое время

Он облегчит и потом, как в Раю, твоё время.

«Время в Раю!..»

И вот тут перед н ми – кузнецовск я попр вк соб-ственных д вних слов, причём он не отменяет одн жды ск з нное, но проявляет р нее незримое. Кроме того, в-тор пок зыв ет, что в Р ю искушения и бремя возник ют по отношению к телесному человеку – святые угодники в своём духовном воплощении этого не вед ют. Т ким обр зом, мы видим словно бы повтор д мов преступления, Кузнецов д ёт возможность к ждому примерить про-ступок первого человек н себя – не с помощью бл гор зумной вторской сентенции, вводя чит теля в круг действия, позволяя ему почувствов ть свою сл бость перед безмерностью высших сил. Это проекция мистиче-ского прошлого н сиюминутное н стоящее.

Фигур Ангел -хр нителя, сп с ющего Поэт от дья-вольского искушения, не имеет видимых очерт ний. Тем не менее Ангел чуток и неотделим от порученной ему души. Он призывает н помощь в минуту необходимости Святого Георгия Победоносц , который пор ж ет Ворон зо змеиным взглядом, искуш ющего Поэт , что к Древу Позн ния «шёл, к к слепец н обрыв, упир ясь в молит-ву». Отметим, что молитв , не имеющ я зримого обр з , здесь пок з н к к нечто м тери льно осяз емое («упи-раюсь в молитву»), тогд к к Ангел, изобр жение которого зн комо н м по иконописи, д н втором в виде голос :

– Т к пок жись. Я твой обр з имею в виду.

– Голос будет довольно. Я рядом иду...

Для верующего человек т кой порядок вещей обыкно-венен: и молитв к к посох, сопровождающ я тебя по жизни; и голос нгел , который слышит твоя душ , оби-ходно порой н зыв я его «внутренним голосом». Но н -сколько л конично это обозн чено Кузнецовым в тексте – ясное, к к Божий день, и глубокое, к к откровение! У поэмы «Р й» огромн я плотность смыслов н строку, н к ртину, н обр з.

Сходя в Ад, Христос и его сопровождение летят в Боже-ственным мр ке «под Вселенной». Устремляясь в Р й, их путь лежит «н д Вселенной». В окрестностях Эдем про-стир ется гол я местность, покрыт я тум ном, – это «до-лин печ ли и гнев », сотряс ем я вечным рыд нием Ад -м о первом грехоп дении. Р йское простр нство, н против, предст ёт в виде «цветущей долины».

Кузнецовский текст н сыщен противоположностями, одн ко они д ются поэтом к к-то исподволь, вне лобово-го столкновения. Автор чувствует огромность Божествен-ного мир , неявные вз имосвязи его ч стей и примёт, по-

единственное место, и потому нет нужды в н глядном противопост влении высокого и низкого, светлого и тём-ного. И это тем более верно, что мистический Божествен-ный мир н полнен прощением и волей Христ .

Нет ничего р з и н всегд определённого, д же из Ад можно поп сть в Р й по молитве н земле или в р йском С ду. Т к гр д Китеж, первон ч льно низвергнутый в Ад, впоследствии, сияя купол ми, внутри «вечной тучи» при-лет ет «к светлой звезде своего н зн ченья».

Пл ч пок яния н полнил скорбную долину, «твердь от-ворил сь, и хлынули т йные воды», смыв я ост тки «не-святости» с прибывших пр ведников.

– Эта святая вода вас омоет, народы! –

Молвил Христос. Все народы омыл водопад.

Одн ко земной и телесный Поэт не по пр ву н ходится рядом с Христом и святыми душ ми, и потому очиститель-н я вл г его не к с ется («мимо и т йно п д ли воды»). Но по воле Христ одн к пля ок тыв ет Поэт до пят и, высох я, д ёт ему стр нную одежду из тр в волшебного узор . Т к он предуготов н к тому, чтобы молить Бог о возможности хотя бы н одно мгновение увидеть Р й. Сквозь просвет в игольное ушко он проник ет в С д, идёт, примин я цветы, ост вяляющие вечное бл гоух нье.

Скоро ли, долго ли шёл я в цветущей долине,

Запахом скажет тот цвет, что примят и поныне.

З меч тельн дет ль, х р ктерн я для стиля поэмы: протяжённость пути и его временная долгот пок зыв ют-ся через з п х примятых цветов, то есть косвенно и к к бы отстр нённо от к ртины происходящего. А хронологиче-ск я метк «поныне» определённо прин длежит другому времени, иному простр нству, свидетельствуя уже о днях н пис ния поэмы: путешествие состоялось, Поэт вернул-ся в земной дом и сл г ет повествов ние о судьб х мир . Но ре льно – он умер, ушёл от современников, одн ко бы-лые следы его отчётливы: помимо земной поверхности они ост лись н вечно в Р ю, где только телесный человек может примять тр ву, ибо души пр ведников легки, пр к-тически невесомы (дост точно вспомнить р сск з Сергея Нилус о б тьюшке Сер фиме С ровском, стр ницы, где описыв ется его пребыв ние в Духе Святом).

Многие «р йские» приметы Поэт сблиз ет с явлениями здешними, м тери льно плотными и вполне конкретными.

Время летело, как лунь среди белого дня,

И, задремав на излёте, задело меня.

Н пр ктике, р зумеется, т к и должно быть: непозн н-ное, к к пр вило, описыв ется через зн комое. Но в хри-сти нских поэм х Кузнецов этот обычный приём ст но-вится художественным принципом, позволяющим д ть Бог в соприкосновении с человеком – ок янным и низ-вергнутым, прощённым и просветлённым, будто прояв-ленным этой мистической связью.

Отношение Бог к человеку и человек к Богу, поиск Божиего обр з в себе с мом – вот основ , н которой

170

слов ми вышив ется мистери льн я к ртин , или ин - че – т доск , н которой пишется «словесн я икон » Кузнецов . Эпическое и мистери льное н ч л здесь слив - ются воедино, и «склеив ет» их особый лиризм поэт , изн ч льно содерж щий редкую способность орг ниче- ски сопряг ть великое и м лое.

Кузнецов н рисов л контуры Р я, но персонифициро- в нных фигур в отрывке поэмы нет. Были бы они в р йском С ду, и кто бы в него поп л – вопрос журн листский по определению. Вряд ли жители Р я предст ли бы перед чит телем в подробностях, будто продолж я в ином кон- тексте и р курсе г лерею грешников. Т кой контр ст в- тор , очевидно, не устр ив л, и это подтвержд ет стили- стическ я к нв всей трилогии. Кроме того, претенциозные, «школьные» пятёрки, н глядно пост в- ленные душ м пр ведников мор лизирующим поэтом, неминуемо р зрушили бы гр ндиозный кузнецовский з - мысел.

Но конкретные человеческие х р ктеры в поэме были бы обя зательно. Н верно, Кузнецов пок з л бы в Р ю «ситу ционных» людей, в земном обр зе которых, несмо- тря ни н что, хр нится Сп сительное зерно, впослед- ствии ст новящееся з логом Вечной Жизни.

2010

ЗЕЛЁНАЯ НИТКА

Стихотворение «Узоры» как дальний пролог
к поэмам Юрия Кузнецова о Христе

*В последнее время мою дремоту
тянет к строгой русской классике.
...Однако все её корни остаются
в народном эпосе.*

Юрий Кузнецов

Кузнецовские «дремоты», или н зовём их более широ- ко и привычно – видения, отлич ются от почти всего поэ- тического м ссив , н р бот нного русской литер турой з минувший век.

Можно отр ж ть ре льность в узн в емых форм х, рефлексиров ть по поводу и без повод – но при этом поэт будет неизбежно идти рук об руку со своим време- нем и обществом, в котором он живёт.

Н против, Кузнецов отделён от ре льности той про- слойкой миф , о которой т к много говорят в связи с его поэзией и о чём пис л он с м. Этот способ связи поэт с действительностью будто проходит через некий волшеб- ный ящик, в котором непрерывно рожд ются сюжеты, со- единяющие в себе художественную волю певц , его чело- веческую пов дку и отж тые до штучности приметы мир соци льного.

Если вспомнить больших поэтов, то пр ктически у к ж- дого есть произведения, о которых можно говорить к к о небыв лых прежде литер турных сюжет х. У Кузнецов , особенно позднего, почти все стихотворения – такога к - честв . Он непревзойдённый ск зитель ХХ век , соеди- нивший христи нское пред ние с н родным эпосом.

Сколько было с упрёком говорено о «двоеверности» русского н род церковными публицист ми, одн ко никто

к к будто не отметил это свойство к к особенную черту художественного созн ния н ших великих поэтов. Именно они бр ли обр з русского человек к к некий иде л, в ко- тором живёт волшебн я рх ик древнего сл вянств и пр восл вн я этик нового русского времени.

Более того, в поэзии трудно н йти положительного ге- роя, который не соединял бы в себе черты н родности во всём её нек ноническом многообр зии и черты души хри- стнской – в той её ипост си, которую принято обозн - ч ть словом «простец». Именно простец с мудрой р ссу- дительностью и сердечной мягкостью воспримет к к н родную мистику, т к и поэмы Юрия Кузнецов о Христе, в которых светятся обр зы н родной духовной поэзии. А т кже – удивительные кузнецовские стихи-ск зки, н по- мин ющие пушкинские по свободе р звёртыв ния небы- в лой истории.

Вместе с тем ск зочные кузнецовские сюжеты обл д - ют редкой словесной комп ктностью. Это связ но с тем, что у Кузнецов в т ких сюжет х в жен не столько с м ге- рой, его х р ктеристики и р звёрнут я к ртин происхо- дящего, г лубинный смысл того, что возник ет перед чи- т тельскими гл з ми. И потому вторский слог л коничен, но не в ущерб прист льной точности опис ния предметов и событий.

К ждое слово у Кузнецов зн чимо в к ком-то объём- ном, н дмирном зн чении. Нет ни одного определения, которое выполняло бы только функцию внешнего ряд . Это говорит д же не об огромности кузнецовской мысли о мире, о невероятной интуиции поэт , котор я ул влив - л вз имосвязь вещей и действий. И в результ те появля- лось стихотворение, которое, по существу, з тр гив ло мистические мировые струны, пронизыв ющие н ше бы- тие и н шу очевидную жизнь.

Стихотворение «Узоры», н пис нное в 1998 году, есть отголосок библейского сюжет о первом грехе. Его можно н зв ть д льним прологом к кузнецовским поэм м о Хри- сте. Примерно т ким же, к к стихотворение «Кр сный с д» – интон ционный пролог к нез вершённой поэме «Р й», о чём вскользь упомин ли с м втор.

В «Узор х» пок з но, что ветхоз ветное п дение про- исходит постоянно, будто эхо, повторяющееся в век х. Хотя смысловое зерно ск зочной истории отодвинуто н второй пл ни, по видимости, теряется в необычных кол- лизиях происходящего.

Сидя н крыльчке, девк вышив л тёмной ниткой н белой холстине «т йные девические грёзы и узоры жизни осторожной». Ничего не получ лось, и светлый Ангел бро- сил ей три волос из голубиной книги. Девк сплел их в «р дужную нитку» и три дня вышив л «узоры жизни тер- пеливой, мудрые священные узоры». А потом призв л «н погляденье» н род. Люди н зв ли увиденное сч - стьем, дети – р достью, с мый ст рый – Божьей т йной. С т н покусился н чудо и з чернил зелёную нитку. И в «узор х» это повреждение ост лось н всегд . Духовно зоркий человек его видит – гл з сч стливых тёмного сле- д не з меч ют.

Перед н ми не совсем понятн я по смысловой отсылке история, и потому для её верного истолков ния т к в жны мельч йшие дет ли.

Прежде героиня стихотворения был кроткой и просто-душной, жил бедно («крылечко», «низкая ступенька»), вышивал при свете дня на пороге родного дома. Мечтал об удачном мужестве, о робком вхождении в мужской дом, тревожилась о будущей доле – трудной и уступчивой. Но терпения у вышивальщицы не хватало, и она залилась слезами. Примерно так можно переосмыслить «тайные девичьи грёзы и узоры жизни осторожной».

Но вот окончен чудесный вышивок («мудрые священные узоры»):

На четвёртый день вставала девка:
Всё готово! Где хвала и слава?..
Распахнула душу и ворота
И сказала: «Вот мои узоры!..»*

Как меняется поведение героини: теперь ей требуется «хвалы и славы», она говорит гордо, громко и призывно. В горести ей помог Ангел, осенил её труд, но в торжестве эта божественная помощь забыта: «Вот мои узоры!..». Тут определённо слышится ветхозаветное эхо: «...откроются глаза твои, и вы будете, как боги, знающие добро и зло» (Быт. 3, 5). А ведь вышивальщица девка «узоров жизни терпеливой, мудрые священные узоры».

Прежде она «не могла увидеть даже нитки, не то чтобы ангела на небе», у неё даже не было мольбы и надежды на помощь, лишь одна кручина. И этого оказалось достаточно точно для того, чтобы «светлый ангел пордел о девке»:

*Постучал по голубиной книге –
Выпали три волоса на землю,
Три закладки меж страниц священных.
Первый волос золотой, как нива,
А второй серебряный, как месяц,
Третий волос синий и зелёный,
Словно море в разную погоду.
А меж ними облака стояли,
Полыхали тихие зарницы.*

Лишь когда смотрел на золотой волос, на поминующий о колосьях в поле, сотворил героиня «свят-молитву» и «отпустил душу» – то есть освободил её от збод, передв себя воле Божьей. Когда же смотрел на серебряный волос, о котором на поминали её «месяц, зимний снег и седина рзумных», перекрестилась и «облегчил душу» – то есть попросил прощения за прошлое. Перед странным волосом, в котором играло синее с зелёным, закрывалось и творилась душа – будто иконописец, сосредоточенный на своей задаче.

К слову, в стихотворении заключён и образ художника-творца, крылатый опрошенный и сниженный вторым совершенно сознательно, чтобы потетик земного творчества не заслонял рзмышления о человеке как творце.

Третий волос – с мый з дочный, его цвет меняется, видимо, в зависимости от внешних действий и слов. Чертёнок, что «прошмыгнул между хвалой и слвой», запечатлел

* Примечательно, что по Преданию, на Четвёртый День создал Бог светила и поставил их на тверди небесной, чтобы управлять днём и ночью и отделять свет от тьмы.

зелёную нить, и он термнеет. Одна ко, по существу, именно «з блудш я воля» героини «чернит» нгельский под рок.

Тинственный волос игрой своих оттенков похож на описание Древ Познания добра и зла в поэме Кузнецова «Рай»:

*Крона играла цветами. Они волновали
Красным, оранжевым, жёлтым отливом в начале,
А фиолетовым, синим, зелёным – потом.
Каждый узор выступал то цветком, то плодом.*

*Рядом стояло, мерцая плодами познания,
Вечное древо – таинственный знак мироздания.*

Обратим внимание на изменение цвета волшебного волоса: зелёное становится более тёмным, попутно и голубизна неба теряет свою просветлённость. Таким образом, божество крик в результате духовного падения героини сужается, в пределе – стремится к черноте. Она уже была покаянием в образе зелёной нитки на фоне белой холстины – как символ нелёгкой и скудной жизни. Девичьи очи в слезах не видели этой земной нити. «Глаз стливые» в упоении «хвалы и славы» и в отречении от нгельской помощи не различают уже нить небесную, в которой естественно погашен цвет: «...и центр пошёл по зелёной нитке. // Где центр пошёл, там и след оставил, // Где центр пошёл, там и потемнело...».

В стихотворении скрыто присутствует постоянно возобновляющийся роковой цикл: человеческая кручина; божественная помощь; просветление жизни; человеческая гордыня; потемнение жизни; почти неизбежная будущая кручина.

Словесно волшебный сюжет выписан Кузнецовым филигранно, смысловые переключки пронизывают стихотворение повсеместно.

Вместе с тем необходимо сделать некоторые оговорки.

В традиционном родном костюме чёрный цвет не несёт однозначно негативного оттенка, на против – это краски земли-кормилицы. Помимо отсылки к тьме, печали, отрешению и даже трагедии, в нём содержится символ покоя, постоянства, плодородия. У Кузнецова в определении нитки, которой вышивалась белая холстина-рубашка, определение «чёрная» заменено характеристикой «тёмная». При этом не подвергается сомнению и родная символика цвета, прикрепленная к земному порядку и одушевлению природных сил. Поэт поднимает взгляд – и в сопоставлении небесного и человеческого с земным покой есть «тёмное» как опрошенное до смертного предела «светлое». Как одну из примет отпадения человека от Бога, и земли – от неба, как знак слепоты земного счастья.

Это почти напрямую подчёркнуто совпадением первой строки «Узоров» с началом лермонтовского «Ангел» («Светлый ангел пролетел по небу...» – «По небу полночи ангел летел...») и совпадением духовного центра стихотворения Кузнецова с ключевыми строками шедевра Лермонтова: «И звуков небес заменить не могли // Ей скучные песни земли».

Говоря о печальной цикличности событий, покойных Кузнецова, стоит иметь в виду их некую временную привязку: это случилось однажды, и с тех пор в мире что-то без-

возвратно изменилось? Но тогда можно сказать, что до описанных событий человек я жизнь был более высок, чем в дальнейшем, после того, как «зелёная нитка» «потемнела». В этом случае земная история предстает как неудержимое стремление к покаянию и к лирическому финалу.

Однако мы знаем, что есть неслучайно необъяснимая удерживающая сила. Её олицетворением является и Кузнецовский Ангел, который, откликнувшись на кручину человека, вносит в мир светлую поправку и, образно говоря, торжествует его сползание во тьму.

Прежде и потом в духовном отношении происходило нечто подобное Кузнецовской истории. Он множится в слоях времени и присутствует в нём всегда – как развёрнутый образ человека, беспомощного в отсутствие Бога, с мимолетным в чудесном успехе и слепого в конечном и эгоистичном земном счастье.

2011

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ЕЛЬ

Юрий Кузнецов и христианство

*Так откройтесь дыханью куста,
Содроганью зарниц
И услышите голос Христа,
А не шорох страниц.*

Юрий Кузнецов

Перед каждым исследователем, который с тревогой всматривается в образ русского человека, особенно изменившийся в протяжении последнего столетия, сегодня с особой остротой возникает проблема русской духовной преемственности. Так случилось, что художественный и идейный мир стихотворений Юрия Кузнецова окрестился той ментальной территорией, где эта проблема пресмыкается поэтом с самых разных сторон – без противопоставления прошлого и настоящего, русского и советского, без жёсткого, непримиримого конфликта родового и преемственного члена.

Творческий путь Кузнецова, в каком-то смысле повторяет духовный путь русского народа. Первоначально погружённый в мистическое пространство родовой стихии, с течением времени поэт всей душой воспринял преемственную картину мира. Однако, как и в нашей родной вере, живое прошлое в его поэзии нервно соединялось с трепещущим настоящим, мир славянской природы причудливо сочетался с христианством.

Наш родной мистицизм в церковной публицистике получил название «двоеверия». В нём содержится определённый элемент духовного осуждения, по бытовому примеру – некая попытка усидеть на двух стульях. Между тем всякое новое укореняется в нравственном и бытовом укладе лишь тогда, когда оно развешено уже сложившийся порядок, вычленяет в нём главное, кристаллизует ещё только нарождающееся, освещает реальность и придаёт ей внутренний импульс к развитию.

Резюме, прежний уклад в этом контексте не должен быть порочным, по сути – безверным, требующим отречения и покаяния. К слову, именно таким мы предстали римскому обществу времён его языческого упадка.

Превосвещенный верный свет в славянской миропонимании, отчасти переплетаясь с ним и проясняя христианские координаты, в соответствии с которыми русский человек теперь строит жизнь и верит во Христа и своё Спасение. Очевидно, с теми или иными отличиями, так происходило везде, где был проповедан евангельский Истинный. Но в Руси произошло некое изменение христианского и древнеславянского обрета своих пропорций, не похожие ни на что другое. По прошествии веков, таким образом, сложились два взгляда на русскую преемственную веру.

Один – строгий церковный, догматический преемственный и непримиримый к нечуждому приметам, исток которых тянется в глубокой древности. Другой – сугубо нечуждый, бережно сохраняющий осколки мистических исторических времён. Причём сухой церковной «буквой» часто сопутствовали «непреемственные» христианские доброты простых мирян. И не взирая на жестокие нравы селян порой смирял истинно постольская последовательность деревенского бытия. Здесь можно отметить, что «двоеверные» приметы во всей своей полноте проявляются в существующих «на земле», в городе они угасают, возрождаются и подвергаются смирительным вольным искривлениям.

Между тем родовая славянская мистика для русской культуры имеет исключительно важное художественное значение. Не случайно А.А. Фомин в своём знаменитом эссе о древних воззрениях славян на природу «поэтическими». Также и всё христианское удивительно преобразилось в русское литературное и фольклорное слово. И потому стоит говорить о «двоеверии» русского народа не как о дословном недостатке, который с веком мы почему-то не исправляется и не исчезает, но как о корневом в родном свойстве. Его стоит изучать, попутно создавая художественные образы, которые будут утверждать то главное, что способно удерживать и укрепить русскую жизнь – её родовое начало. Потому что другого русского народа – «преемственного», соответствующего догматическим «прописям», христиански стерильного, – у нас нет. А тот, к которому мы принадлежим, облекаясь рядом особенностей, и они сообщают его облику удивительное обаяние и глубину.

Так художественный мир Юрия Кузнецова окрестился в эпицентре дискуссий о нечуждом русском характере и духовном наследии русского человека.

Известно, что, приступая к созданию поэмы о Христе, Кузнецов стремился познать живого Спасителя. В этом отношении нет вторского желания предстать Сыном Человеческого «плотью и кровью» (к чему тяготеет, скорее, заповедное катехизическое сознание) – в противовес его исключительно книжному облику. Главным в творческой задаче было другое: нарисовать «словесную икону», которая явила бы читателю **живой характер** Иисуса: Его грусть, смех, жалость, гнев, задумчивость, принадлежность к бытовому человеческому миру и одновременно – высоту Божественного порыва и в этой обительной страдальческой и горечивой и минутного торжества.

Поэмы полны скрытых значений и предзнаменований, смыслы множатся и никогда не превращаются в плоскую дидактику, что так свойственно протестантской литературе. Повествование же отличается определённой русифицированной Предвечностью, он складывается очень часто в бытовых

173

н блюдениях втор , в движениях х р ктер гл него героя, в стиле вторской речи. И здесь строгие енгельские сюжеты отчётливо сближ ются с фольклорными русскими духовными стих ми.

В ев нгельских текст х кр йне м ло зн комых к ждому по обыденной жизни мимических и душевно-психологических черт Христ . Погружённый в бытовую среду человеческого существов ния, Сын Божий, по логике земных событий, должен уст в ть, р дов ться, проявлять нежность, быть молч ливым, шутить, сокруш ться...

Н род восполняет этот информ ционный пробел в духовных стих х, приближ я Бог к к ждому ленькому человеку, прекр сно вл дея чувством меры и не скр дыв я дист нцию между погружённым в свету обычным смертным и Победившим смерть. Небо ок зыв ется рядом с простолюдином, нгел может р згов рив ть к к-то по-житейски, демоны являют свою злобу в узн в емых земных форм х, предметы полны скрытых до времени зн чений. И всё это связ но воедино лиризмом повествов ния, р зговорностью ритм и пр ктически полным отсутствием высокоп рности.

В т кую христи нскую к нву вплет ется т инственный мир ст рой сл вянской мистики, котор я связ н с природными явлениями и прежним укл дом, н протяжении веков сохр нявшим связь человек с землёй, водой, огнём и воздухом. Одн ко это причудливое духовное соединение родового и христи нского лишено всякого упомин ния о ст ром языческом п нтеоне сл вянских богов. Удивительным обр зом н родное созн ние переустроило обр з Вселенной, ср стив орг ническое присутствие человек в мире с нр вственной иер рхией бытия.

Сегодня, говоря о н родной вере и пр восл вии, необходимо ценить их вз имное присутствие в русском мент льном простр нстве.

Приближ ясь к земле, **всё небесное** испытывает её тягу, появляются тонкие корневые нити, которые нельзя предусмотреть з р нее. В свою очередь, **всё земное**, устремляясь к небу, освобожд ется от второстепенного – в с мом последнем, пок липсическом смысле т кого определения. Это н помин ет контур рождественской ели: нижние ветви стелятся по земле, р стут по-н д почвой, вершин , будто стрел , оттолкнувшись от земли, смотрит в небо. Подобный обр з похож н русское родовое древо, к которому привито пр восл вие.

Юрий Кузнецов первым осозн л смысловую широту и художественное бог тство целостного восприятия сл вянской тр диции и христи нской веры. Ещё звуч т з - п льчивые обвинения поэт в кощунстве, в н рушении «буквы» Пред ния. Одн ко с к ждым годом чит тель всё более помин ет: тр гическ я сложность русской жизни, з г дочный космос русской мистики, простот и искренность русской пр восл вной веры – были поняты и художественно воссозд ны Кузнецовым, к к никем другим в отечественной литер туре.

Русское бытие в его безбрежности и русский х р ктер в его теплоте, уд ли и стоицизме – вот дв в жнейших вектор поэзии Юрия Кузнецов и одновременно – никем и никогда не отменяем я з д ч н шей великой литер туры: вчера , сегодня и з втр .

В поэзии Юрия Кузнецов отчётливо вним ние втор к родовым связям. Тем отц долгое время не уходил из зоны его художественного вним ния. А обр з м тери содерж л в себе смысл некоей пуповины, соединяющей лирического героя не только с родом, но и с ев нгельскими з поведями. Молитв , з шит ям теринской рукой в подкл дку куб нки, н зыв ется поэтом «молитв родины святой». И здесь уже есть приметы соединения общего, родового и личного, христи нского.

Две стороны духовной орг низ ции русского человек были в жны для Юрия Кузнецов – чувство род и чувство нр вственной пр вды, котор я отр жен в фигуре Христ - Сп сителя. Отрек ясь от этих двух иде лов, русский человек теряет себя и ст новится ч стью толпы, лишённой к к лиц , т к и души.

Небольшое стихотворение «Птицы» н пис но в 1996 году. Возможно, его обр зн я к нв основ н и н вполне ре льном случ е: н р скрытую Библию опустили несколько птиц, р скрич лись и ст ли клев ть друг друг .

Между тем, взор художник видит зн ки бытия, которые свидетельствуют об ином простр нстве и ином течении времени. Конкретные события ст новятся ключом к м сш т бным явлениям, поэзия ок зыв ется единственным духовным инструментом, который позволяет р скрыть большие смыслы и повед ть о них доступными слов ми, опир ясь н простые предметы и уже зн комые коллизии.

177

*То не шум семейного совета,
То не камень веры пал на грудь, –
На страницы вечного завета
Птичья стая села отдохнуть.*

*Отдохните, птицы, отдохните,
Подремлите, милые мои,
На страницах самой мудрой книги.
На ладонях матери-земли.*

Р звёртыв я сюжет о птиц х, в фин ле Кузнецов уточняет этот мифологический обр з и упомин ет о пролет ющих душ х: по определению, бессмертных, одн из которых «ост л сь умир ть». Появляются новые фигуры, прид ющие стихотворению тр гический «человечий» смысл. Причём возник ют они контр стными п р ми: деды – внук; дети – м ть. Через них проходит линия р злом русской жизни:

*...И кричат все птицы как одна.
Все они клюют большую птицу –
Им такая в стае не нужна.*

*Пролетали души, пролетали,
А одна осталась умирать...
То ли деды внука заклевали,
То ли дети заклевали мать.*

«Трепещут в уж се стр ницы» вечной книги: з повесть, утвержд ющ я родовую связь – «почит й отц твоего и

м ть», р зруш ется. И перечёркив ется её в жнейшее следствие-обетов ние: «д будет тебе бл го, и будешь долголетен н земле».

Не случ йны н форическое соседство и обр зн я переклич мистических стр ниц с м теринскими л донями, будто лелеющими своё дитя. В повествов тельном («птичьем») контексте стихотворения очень чётко обозн чены кцентры, обл д ющие родовыми призн к ми – «семейный совет»; «ст я»; «л дони м тери-земли». Конфликт возник ет именно в этом простр нстве, когд з бив ются пр вд и спр ведливость, воплощённые к к в обр зе «з вет », т к и в древнем сл вянском олицетворении: «м ть – сыр земля».

Умир ет не только человеческ я душ , к жется, с м почв теряет плодородные свойств , ст новится пылью, и высух ет способность возобновлять жизнь в предел х русского космос .

Последним словом-фигурой в р звитии сюжет ст новится «м ть», которую «з клеви» дети. По существу, перед чит телем – обр з отречения от прошлого. В нём есть отблеск пок липсической конечности бытия, когд утрачен любовь и торжествует эгоистическое, беспощ дное своеволие. Р зрыв ются кровные узы, ст рики подним ют руку н вчер шних мл денцев, подростские дети отрек ются от м теринского лон . Исчез ет связь времен, и пресека ется всякое продолжение: ст рому никто теперь не н следует, молодое лишено с мой гл вной своей опоры.

В стихотворении «Птицы» Юрий Кузнецов иноск з тельно ведёт речь о русском человеке к о гл вном действующем лице в истории своего род и в гр ниц х своего дух . Чувство пр вды – вот подлинный проводник для русской души, изнурённой нр вственными поиск ми. Не общий вр г призыв н объединить русский мир, не битвы с ветряными мельниц ми, которым нет конц , – но поним ние родовой судьбы, готовность подст вить плечо и возвысить голос в роковой ч с, способность любить родное и никогда от него не отречь тся.

2013

ПРОЛЕТАЯ НАД ЧАСТЯМИ СВЕТА...

*Пространство и действие в стихотворении Юрия Кузнецова
«В воздухе стоймя летел мужик...»*

У Юрия Кузнецов есть стихотворение, д тиров нное 1990 годом, которое н фоне высших достижений поэт к жется вполне неприяз тельным, – ещё один литер турный оттиск п р док льного художественного д ров ния втор , и не более того... Речь идёт о 12-строчном сюжете «В воздухе стоймя летел мужик...». Одн ко н фоне любопытных х р ктеристик героев и всего происходящего в этой истории в ней есть некий ключ к поним нию мет физики простр нств у Кузнецов и своеобразного определения мест художник в координ т х мирозд ния. Приведём текст целиком – т к и дет ли будут ясны в р мк х полного художественного выск зыв ния, и ст нет прозр чней логик н шего р ссуждения. А очередной миф поэт ок жется пок з тельно ярким соединением многих других в жнейших черт его индивиду льной вселенной.

*В воздухе стоймя летел мужик,
Вниз глядел и очень удивлялся
И тому, что этот мир велик,
И тому, что сам не разбивался.*

*Так-то так. Но он не знал того,
Пролетая над частями света,
Что таким представила его
Дикая фантазия поэта.*

*Между тем поэт о нём забыл:
Голова на выдумки богата,
А мужик летит среди светил,
И, пожалуй, нет ему возврата.*

Здесь есть отголосок философии деизм , согл сно которой Бог одн жды сотворил мир и более уч стия в его судьбе не приним ет. В к кой-то мере фигур поэт сопост вим с обр зом Созд теля, к к минимум в том, что художник воспроизводит мир, будто соревнуясь с Вышними сил ми. Это т к, и с м судьб земного творц предст вляется двусмысленной – изн ч льно сопряжённой с с - мыми р зными исключениями.

Обр тимся к примет м простр нств , которые возник ют в стихотворении Юрия Кузнецов .

Мужик летит, не глядя вперёд, н воздушную дорогу, словно подчиняясь чьей-то воле, и н помин ет п сс жир ви л йнер , который вглядыв ется в земные к ртины под крылом с молёт . Мир для него велик, гл вным обр зом, потому, что конц этим к ртин м не предвидится, и простр нство необъятно по н пр влению движения – иных дет лей здесь просто нет, боковое зрение, к жется, вовсе отсутствует. Это очень в жн ях р ктеристик человек – и ре льного, погружённого в суету текущего дня, и «обр зного», действующего внутри литер турного произведения, в н шем случ е – поэтического миф .

Для втор очерченное простр нство поверяется узн - в емыми примет ми существов ния, отчётливо земными, но гл вным мериллом этого космос ст новится мужик, оторв нный от родового корня и несущийся в смутную д ль. Он лишён притяжения земли, которое предст вляется в контексте стихотворения почти косным, и воодушевлён перемен ми, произошедшими с ним по воле поэт – впрочем, о том он не зн ет пр ктически ничего. Интересно, что многочисленные гл голы небольшой ф нт см горической кузнецовской истории м ло определяют действия героя в простр нстве. А гл голов, которые бы эту (н ми узн в емую, но чуть *изменённую*) вселенную з фиксиров ли бы отчётливо, здесь совсем нет. З исключением одного: ведь мужик-то всё-т ки в ней летит, это вещь – диковинн я!

И перед н ми возник ет отпеч ток или видение простр нств совсем другого, в котором обрет ется мысль поэт – плодотворн я и неуёмн я в своих устремлениях. У Кузнецов обр з простр нств физического (с которым он, к к художник, в предел х ре льности может вытворять всё, что ему угодно) соединён с простр нством пот ённым, внутренним, кр йне трудно определимым сн ружи – будь то согляд т й или н литик. Оно н напрямую связ но с бытов нием дух втор (в стихотворении – «дик я ф нт -

*Бредёт и скрипит по дороге
Солдат об одном сапоге.
Скрипят деревянные боги
В его деревянной ноге.*

Юрий Кузнецов

зия поэт ») и является в жнейшей и ни н что не похожей чертой его художественного мир .

Пр ктически любое сюжетное простр нство внешнего мир Кузнецов через отдельные точки соприкосновения соединяет с простр нством собственного творческого «я». Изн ком ячит телю действительность предст ет *изменённой* в существенных дет лях и стр нной, что пони мается к нек я поэтическ я особенность втор .

Одн ко многие диковинные штрихи к ртин, возник ющих под пером Юрия Кузнецов , имеют ответ бытийных смыслов. Эти последние д ют н м истинное поним ние происходящего вокруг н с, т кже – происходящего в гр ниц х стихотворного сюжет . Мы не можем ск з ть: вот мистическое предн зн чение Кузнецов -поэт , – тут всё не т к очевидно, к к хотелось бы восторженному чит - телю. Но внутреннее простр нство его н прямую подклю чено к бытийным процесс м, которые сопряжены с т инстинственным перетек нием смыслов и скрытыми цент ми в н глядных событиях. Т ков специфик зрения поэт , и т ково его движение через н ш мир.

Обычный человек видит только внешнюю к нву измене ний окру жющего мир . Тогд к к поэт н блюдет истин ные зн чения предметов, людей, действий. И выстр ив ет случившееся в соответствии с его сокровенным н ч лом и ввиду его отд лённого результ т , исторического эх .

Можно предст вить поэтическое простр нство Юрия Кузнецов к к сферу, в которую з ключён действительный мир, довольно свободно в ней перемещ ющийся. Точно т кже этот космос поэт вложен в Божественную сферу простр нство, в которой с м земной творец и его преде лы относительно м лы. Отч сти они похожи н тот первый мир, ре льный, облек емый поэтической мет физикой.

Эти три условные сферы могут д ть н хоть к кой-то ответ н вопрос, кем был Юрий Кузнецов – визионером, живущим н земле; н виг тором земных процессов; проводником чит телей по дебрям современности, когд только миф может внести некоторую ясность в происходящее, прониз нное бсурдом; посредником меж мир ми? Вовсе нет.

Отодвинем в сторону Кузнецов -человек и посмотрим н его поэзию ин че. Вся он похож н луч, соединяющий кр я Божиего з мысл и кр я человеческой жизни, когд рндизность мет физических событий ст новится неотделимой от человеческих чувств, когд зн к свыше н ходится рядом со зн ком живой теплоты и конкретной дет ли. Эхо подобных умоз ключений можно н йти в земном присутствии Христ , в его душевных движениях н встречу ученик м, родным, грешник м, вр г м... Неслуч йно Юрий Кузнецов всем сердцем ст р лся «увидеть» Сп сителя,

*Что ходил по росе
И сидел у ночного костра,
Освещённый, как все.*

Его поэзия устроен высшей силой именно т к, чтобы этот конечный з мысел, устремление поздних лет, ок з лся не только венцом всего созд нного Кузнецовым, но и ключом ко всем его стихотворениям, от « » до «я», к его личности – удивительной, противоречивой, до конц не р зг д нной и земной лишь отч сти.

176

У Юрия Кузнецов есть стихотворение «Деревянные боги», д тиров нное 9 м я 2003 год . По историко-лите р турным примет м этот текст переключ ется с иными ве щ ми втор : во-первых, посвящёнными военной теме, роковой, стр шной для русского человек ; во-вторых, тем тически он сопряжён с последним периодом творчества поэт , когд вз имоотношения древнего русского бытия и пр восл вия вступили в его стихотворных сюжет т х в н пряжённый ди лог.

Русский человек в поэзии Кузнецов , по существу, является обр зом всего н род . Об этом уже говорилось не р з, одн ко многие к честв гл вных героев стихотворе ний словно бы и не р сширяться до к тегории н род д же при вним тельном прочтении вторских строк. Оп сение быть поверхностным в этом вопросе вполне резон но, одн ко одновременно исследов тель тем с мым огр ничив ет круг своих н блюдений н д поэтическим текстом лок льными х р ктеристик ми, тогд к к поэт з ним ли вопросы фундамент льные, проясняющие черты русского бытия, русского мент литет , русского обыкновения и х - р ктер русского человек .

В «Деревянных бог х» перед чит телем возник ют обо зн ченные лёгкими штрих ми черты Большой войны и солд т -з щитник Отчизны; древней веры и европейско го христи нств , во многом пребыв ющего н русской почве в виде буквы церковного учения; р стерянного н род , который после великого испыт ния вновь ст л н селением; н конец, мистической Дороги – по ней бредёт одиногий воин вслед з невидимыми ст рыми Учителями, отринутыми в прежнее, уже д внее время.

Нужно ск з ть, что поэзия Юрия Кузнецов беспощ дн к чит телю: здесь не обходятся острые углы, в повседневности з ботливо з др пиров нные м ссой оговорок, – противоречия являют себя т к, что к жется, снять их и прийти к р зумному соединению вз имно спорящих ст орон русской жизни совершенно невозможно. Одн ко поэт совсем не стремился к столкновению противоположно стей, он видел себя н следником прошедших эпох, кот орому необходимо пр вильно р спорядиться «бытийным имуществом», чтобы в духовном отношении построить з - втр шний день прочно и в согл сии с гл вным содерж ни ем минувшего времени.

Обр тимся к событиям и персон ж м стихотворения «Деревянные боги».

По ст рой р збитой дороге бредёт солд т с деревян ной ногой. Впереди идут стр нные и непостижимые «де ревянные боги», изд ющие з г дочный скрип, отзыв ю щийся в с модельном протезе путник .

*Солдат потерял свою ногу
В бою среди белого дня.
И вырубил новую ногу
Из старого тёмного пня.*

Скрипучие «вздохи труху по дороге метут», и встречный н род в стр хе р збег ется. Деревянные боги идут «в неведомый тёмный конец» из ст рога «тёмного дня». Н конец, они «прошли н великий покой», н всегд отделив себя от солд т и «н род ». Н дороге ост лся только од-ноногий стр нник.

В этом контексте все смысловые дет ли имеют р сши-рительное зн чение. К примеру, солд т, потомок н род , отк з шегося от ст рых богов, вдруг потерял телесную г рмонью и утр тил способность передвиг ться, преодо-леть ту трудный путь. И вот в помощь ему д ётся «нов я ног », изготовленн я в мифологическом простр нстве и времени из ст рога деревянного идол , – т к христи н-ское вероучение н зыв ет богов языческого п нтеон . Н д этим сюжетным поворотом вит ет сем нтический я дымок : тело христи нин – его хр м; пр восл вный воин з щиз л родную землю, и тело после боя ст ло ущерб-ным; помочь солд ту смог только пень, из которого когд -то было вырублено изобр жение языческого бог ; теперь солд т может с трудом ийти, опир ясь н деревянную ногу, под ренную ему древним божеством. И т к, медленно преодолев я р збитую в век х дорогу, он движется вперёд, попеременно ступ я н уже искусственную «язы-ческую» и н ост вшуюся живой «христи нскую» ногу.

Конечно, подобный, во многом одномерный интеллекту-альный р курс весьма уязвим. Он не может выступ ть в к -честве гл вной художественной фикс ции смыслов и поло-жений в стихотворении. Одн ко перед н ми – несомненный отсвет русского бытия, в обр зном виде он содержится в этом мифологическом сюжете Юрия Кузнецов .

Обр тим вним ние н восприятие солд том происхо-дящего:

- он не видит деревянных богов;
- он не видит России, христианской, пр восл вной стр ны;
- «он слуш ет скрипы простр нств »;
- «он слуш ет скрипы веков».

Солд т «потерял свою ногу в бою», «вырубил новую ногу <...> из пня» и теперь бредёт «по ст рою р збитой до-роге». Если посмотреть н действия героя, р скрыв я их зн чение в ре льном смысловом поле, то перед н ми предст нут жестокий бой, горький мирный труд и лише-ния, путь к неведомой цели.

Вместе с тем с м дорог здесь к жется пунктиром исторического движения европейской цивилиз ции, чьё христи нство «голодным огнём» сожгло ст рых богов род-ной земли. Кроме того, Велик я войн случил сь в с мом центре христи нского мир – в поэтических координ т х «белого дня». Мучительные ш ги почти вслепую по р з-битуому пути всё ещё связ ны с ощущением присутствия де-ревянных богов, которые тоже перемещ ются в этом н -пр влении. Их движение – определённо вынужденное, но они, к жется, подск зыв ют солд ту, к к ийти: т к про-водник ведёт стр нник по болоту, ук зыв я кочки и топь. Но

очень скоро деревянные боги уд лятся «н великий по-кой». Истек ет время их присутствия в русском простр н-стве – теперь уже оконч тельно, бесповоротно...

Примеч тельно, что солд т в сюжете ок зыв ется тон-ким обр зом русского н род , с м «н род» превр щ ется в н селение, з бывшее о собственных корнях – и родовых, и пр восл вных. Очевидно, «солд т» – гл вн я х р ктери-стик русского человек , отодвиг ющ я любые другие его приметы и к честв в стихотворении Юрия Кузнецов .

И вот в эпоху христи нств з щитник отчего кр я бес-созн тельно обр щ ется к древнему родовому укл ду. Ещё вчер н поле ср жения добр и зл он пролил собствен-ную кровь, принеся эту жертву с моотверженно и безо-глядно, готовый по-ев нгельски «положить живот з други своя». Теперь же солд т прислушив ется к д вним век м, не собира ясь отк зыв ться от горького н стоящего. Он яв-ляется собой фигуру, по внутреннему душевному устройню близкую н м сейчас, и одновременно – фигуру *древнюю*, соединённую с «нервной системой» ст рою Руси, где при-род , человек и семья сост вляли одно целое.

Деревянн я ног , когд -то бывш я с кр льной ч стью природного оком , помог ет солд ту, но не прижив ется к его «христи нскому телу». Эт позиция в стихотворении исключительно в жн : деревянные боги опе-к ют пр вос-л вного воин н русской земле, одн ко не ст новятся вновь ч стью его еществ . Они могут быть в очередной р з отринуты – т к в суеверном уж се брос ется прочь встречный люд, увидев хромого путник и з слыш в ни н что не похожий скрип. Но древние божеств не исчезнут бесследно, не превр тятся в пр х и пепел, д же если сжечь их древесные изобр жения.

В стихотворении мы слышим не только сдерж нный го-лос втор , но и некий глв христи нской цивилиз ции – р здр жённый и дос дливый. Он прорыв ет тк нь б лл-дного повествов ния и, не приняв я возр жений, комментирует русское прошлое и *неправильно* вопло-щённое русское н стоящее:

*Мы раньше молились не Богу,
А пню среди тёмного дня.*

Идут деревянные боги.

Когда же пройдут наконец?..

Но вот, по сюжету, они «прошли»: прошествов ли, ис-чезли, отошло их время, утр чено их поним ние, р створ-рил сь связь русского человек с окружа ющей природой. Одноногий солд т ост лся в нынешнем простр нстве-времени, когд пр восл вн я мистик во многом отодви-нут церковной буквой. А с м эт букв , к сож лению, ч сто ст новится лишь сухой формой, теряя великое нр вственное содерж ние подвиг Сп сителя.

К к же чувствует себя одинокий увечный герой н изъ-езженном и исхоженном тр кте:

– стр нник ост лся н дороге в полном одиночестве – ре льном и мистическом, ему не слышен голос небес (хотя в д нном сюжете он не звучит вовсе);

– солд т, возможно, уже и не идёт по дороге, з стыл н ней – дин мик событий в стихотворении ост н влив -ет н ш внутренний взгляд именно н т кой к ртине;

177

РОДОВЫЕ ПРЕДАНИЯ И ПРАВОСЛАВНАЯ СУДЬБА

Юрий Кузнецов и духовный стержень его поэзии

–эт дорог внез пно ст л непонятной – куд он ве-
дёт и з чем по ней идти?

– у солд т теперь есть только личн я судьб – в отры-
ве от земного существов ния он неизъяснимо и т йно
устремлен к Христу, что пок ещё непонятно и с мому
путнику;

– всё земное для солд т ст новится чужим и холод-
ным, единство земли и неб оконч тельно р щеплено н
две вз имно вр ждебные ч сти.

Ассоци тивно здесь прочитыв ется состояние русской
души н исходе последнего тысячелетия. Для Юрия Куз-
нецов проблем орг ничного присутствия русского чело-
век н своей земле и под своим небом – физическим и
духовным – был с мой в жной. Он ст р лся обозн чить
её приметы и гл вные нервные точки средств ми поэтиче-
ского миф , когд всё с мое существенное втор чит те-
лю пок зыв ет, нен зыв ет.

В «Деревянных бог х» неявно присутствует мысль о
«недост точности» христи нств для орг нического рус-
ского человек , лишённого исторических корней, в том
числе и в результе т крещения. У других европейских н -
родов подобного пров л исторической и духовной п мя-
ти не н йти. Вот почему русский т к одинок в этом мире:
прежде он был впис н в контекст природы, теперь суще-
ствует рядом с ней. И д же н переко р ей, пол г я себя
земным вл дыкой, в действительности – ущербным, глу-
хим и незрячим.

Перед н ми вовсе не пр восл вные призн ки бого-
ост вленности – уныние, м лверие. Но отчётливые чер-
ты «природооставленности» – отсутствие опоры н зем-
ной р спорядок, который ныне оторв н от русской души и
з креплён в ст тусе вр ждебного, чужого. Нет уверенно-
сти в привычном и простом, способности восприним ть
зверьё и р стения по-родственному, входить во времен
год с интуитивным крестьянским и охотничьим чувством
окруж ющих перемен. Вот почему телесн я жизнь русско-
го человек ок зыв ется во многом р ссеянной, лишён-
ной своего естественного н ч л .

Стихотворение, по существу, является тр гедией: по-
бедитель в Великой войне з отчий кр й не н ходит внят-
ного язык , который позволил бы ему общ ться с родной
землёй. Солд т ул влив ет только м лопонятные «скри-
пы», и для него это единственный способ услы шь голос
почвы. Подобрн я безъязыкость русского человек гнетёт
втор , рисующего в фин ле к ртину почти космического
одиначств гл вного героя.

Юрий Кузнецов в центре стихотворения «Деревянные
боги» н метил брис европейской цивилиз ции, христи-
нств буквы, не дых ния. Тогд к к живой фигуре Сп -
сителя уделил огромное вним ние в своих последних по-
эм х и стих х. Он ст р лся не сводить в духовном
ср жении ст рую русскую веру и пр восл вие, но к к му-
дрый художник и н следник всех эпох отечественной
истории пыт лся восст новить в русском сердце р зор-
в нные стр ницы древности. Не р зделять и доводить до
чистоты, но поним ть и беречь достигнутое, видя в этом
единственный путь русского с мопозн ния.

Вот уже почти двен дц ть лет прошло со дня кончины
Юрия Кузнецов . Его творчество обрело биогр фическую
з конченность и теперь р ссм трив ется к к путь от од-
ной вехи к другой, от первон ч льного поиск гл вной по-
этической идеи – к выск зыв нию оконч тельному, в све-
те которого всё предшествующее приобрет ет особый
смысл и дин мику р звития.

До сих пор не прекр щ ется глухой спор вокруг эстети-
ки и духовного стержня поэзии Кузнецов . Одни счит ют
его гени льным поэтом, другие с пренебрежением, до-
стойным лучшего применения, отзв ются о его попытке
стянуть р зрыв дохристи нской мистической жизни рус-
ского человек – и его более поздних ев нгельских трудов
и подвигов.

Мы зн ем, что, по существу, н пустое место в рх иче-
ские времен пришёл к евреям Ветхий З вет – когд и
нр вственных привычек не было у этого древнего дикого
племени, когд отсутствов л сокровенн я общ я жизнь с
природой и прежние веров ния и н ч тки философии не
спорили с Откровением, ошеломляющим и ч сто зримым.
Другое дело – поздние сл вянские век : со своей мисти-
кой, соединением в общий круговорот жизни человек и
окруж ющей его среды. Глубокие вз имоотношения с по-
лем, лесом, водой, небом отлич ли принявшего крещение
русского крестьянин или охотник от древнего еврея,
жившего порой в скудном пустынном месте, где всё внеш-
нее служило лишь удовлетворению пр ктических нужд,
сост вляло ч сть его бытовой жизни.

Т кое несовп дение обстоятельств, в которых прои-
зошли явления Ветхого и Нового З ветов, для сл вянств
нужд ется в дополнительном осмыслении. Во вним ни к
душевному устройству н ших предков, в поиске тех чело-
веческих к честв, что н шли своё продолжение в последу-
ющих поколениях, для которых пр восл вные подвижники
ст ли безусловными фигур ми русской жизни. Невоз-
можно н ч ть з ново историю род с момент его пре-
ломления в духовном и мистическом смысле. И нельзя
требов ть от пр восл вного человек достоинств русско-
го воин , землеп щц , строителя без объяснения его ро-
довых черт, общих и для «крещёной» эпохи, и для былин-
ных столетий.

В с мом общем, «контурном» смысле Юрий Кузнецов
з ним лся именно этой стороной н шего бытия, которое
чуткое око поэт видело в сиюминутных проявлениях со-
временной жизни. Его перо обр щ лось к мифу, и т ким
обр зом сним лись пункту льные стяжки времён и собы-
тий, существов ние героев соединялось с общим ирр -
цион льным полем, где мистик происходящего орг
нически связ н с непрерывностью русского и сл вянского
род .

Поэмы о Христе венч ют художественный путь поэт .
В них в полной мере отр зилось его предст вление о
гл вном смысле человеческой истории. Н до ск з ть,
что современность перен сщен с мой положительной

дидктикой, с одной стороны, и неустанным ввязыванием в любую низость – с другой. Причём пение в нравственную бездну очень часто сопровождается сострадательной и психологически убедительной риторикой, которая отвлекает человека от высоких задач и убеждает его в необходимости постоянного внимания к собственной личности. Это вербальные координаты нашей эпохи, и с ними необходимо считаться. Поэтому так важно было для Юрия Кузнецова воссоздать облик «живого» Христа, обладающего психологическими чертами, которые, несомненно, присутствуют в Евангелии, но как будто спрятаны за значительными событиями и кажутся мимолётными и почти необязательными. Так, в Кнег-лилейской Списание не хотел являть чудо, но Мать попросила его об этом, – и здесь подрастерялся некая скрытая от внешнего взгляд коллизия. Христос отвечает Иуде в момент пленения: делай, что решил. И можно только догадываться, какие чувства охватывают Его в эти мгновения. Лишь тоска в Гефсиманском судилище психологическим источником, получившим дальнейшее художественное развитие, все иные оттенки переживаний, вполне понятные подготовленному человеку, отодвинуты на второй план. Они нуждаются в тонкой расшифровке и объяснении, которое становится очевидным для любого читателя священного текста.

Стоит заметить и то, что описание Рэйского Судья Кузнецова насыщено символами и знаками, происходящее

отличается зримыми деталями и характеристиками. С тем же обрзанным срез мистического мироздания в поэме «Рэй» не приходится в полном согласии со всеми другими произведениями поэта. Перед нами – портрет прошлого, настоящего и будущего, с которой сдёрнут плотная пелена материального, и обнажены бытийная суть. В этой непостижимой картине есть место человеку и миру, Богу и великому замыслу о Создании.

Однако и теперь встречаются суждения, в которых имя Кузнецова предстает в каком-то творчески-бытовом контексте, интонация разговорная о нём носит приятельский и снисходительный характер. Нет сомнений, всякое воспоминание о мастере дополняет его портрет. Тем не менее есть вещи вторичные и по значению общечеловеческие, которые время от времени претендуют на «последнюю правду» о художнике, снижают значимость созданного им, с помощью его фигуру составляют из черт ничтожных, очень часто являющихся отрицанием личности повествователя и специфики его приземлённого зрения.

Поэзия Юрия Кузнецова – предметная художественная вселенная, которую можно понять лишь изнутри. Но прежде – уяснив собственную роль: и в соотношении с родовыми преданиями, и в контексте общей правды в нашей судьбы. Только тогда этот таинственный и чудесный мир откроется внимательному и бережному читателю и обретёт свои корни.

2015, Воронеж

Критик Вячеслав Лютый на встрече с читателями и преподавателями Иркутского национального исследовательского технического университета. Дни русской духовности и культуры «Сияние России». Иркутск. Сентябрь 2016 года